

Дария Эдви

+18

An illustration of a young man and woman in a romantic pose. The man, on the left, has dark hair and is wearing a black t-shirt. He is looking down at the woman's hand, which is resting on his chin. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing a black top. She is looking up at the man with a soft expression. The background is a dark, smoky purple with some light particles.

Запретная
ВИШНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дария Эдви

Запретная вишня

<https://litres.ru/74516882>

SelfPub; 2026

Аннотация

ЦИКЛ "КЕНФОРДСКАЯ ВИШНЯ". КНИГА 5

Уго Карбоне — Исполнитель мафиозного клана СантХилл: для него нет невыполнимых приказов, но есть одна тайна, которую он не может разгадать. Имонн Анденте — жена приближённого партнёра мафии Эзио, выданная замуж против воли. Годами она тайно любит Уго, скрывая чувства за маской безупречной супруги.

Одна случайная ночь переворачивает всё: у Имонн появляется секрет, способный разрушить хрупкий баланс в клане. Теперь Уго должен не только узнать правду, но и вырвать Имонн из брака с Эзио — человеком, которого нельзя просто устранить: его связи в клане слишком глубоки, а устранение неминуемо развяжет войну, которая сожжёт СантХилл изнутри. Уго предстоит найти способ, не существующий в правилах его мира, — убрать человека, которого нельзя убить, не разрушив всё, что он сам защищает.

ЦИКЛ ЧИТАТЬ СТРОГО ПО ПОРЯДКУ!

Содержание

Глава	4
ПРОЛОГ	20
ВИШНЯ ПЕРВАЯ	34
ВИШНЯ ВТОРАЯ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дария Эдви

Запретная вишня

Глава

«КЕНФОРДСКАЯ ВИШНЯ»

КНИГА 5.

«ЗАПРЕТНАЯ ВИШНЯ»

Безумная вишня

Невинная вишня

Темная вишня

Дерзкая вишня

Запретная вишня

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Дорогой читатель, спешу тебя предупредить, что ты только что открыл пятую книгу цикла «Кенфордская вишня», и

надеюсь, что уже успел познакомиться с предыдущими.

Дело в том, что если ты этого еще не сделал, то пока отложи историю Уго и Имонн, и начни читать с первой книги по порядку. Иначе же, ты совсем не поймешь, что будет происходить на этих страницах.

«Кенфордская вишня» — это цикл, суть которого состоит в том, что в нем рассказывается история разных персонажей в одном промежутке времени. В каждой книге ты будешь находить отсылки и собирать по крупицам пазлы в одну общую картину. Где был этот персонаж, когда происходила та ситуация? А о чем подумал вон тот в этот момент? Почему же он или она сказали именно такую фразу? Что ими двигало? А кто это с ним? Откуда она об этом знает? Ответы на все подобные вопросы ты будешь узнавать постепенно, поэтому, цикл нужно читать строго по порядку! Тебе самому будет гораздо проще все понимать и сопоставлять сюжетные повороты из разных книг.

И да, какие-то ключевые факты о персонажах могут быть раскрыты не в их книгах, а в других, так что, думаю, тебе будет интереснее узнать о них чуть больше, разве нет? Да и клево же посмотреть, как одного и того же персонажа видят разными глазами, а?

А если же ты уже познакомился со всеми героями и сюжетом прошлых книг и успел обжечься о страсть, что разгоралась между Энрике и Арлин, то скорее листай дальше, чтобы узнать, кого же так тщательно скрывал Уго от чужих глаз.

Примечание: в этой книге присутствует язык жестов. Поэтому диалоги у всех героев, которые его используют, будут выделяться *курсивом*.

С любовью, твоя Дария Эдви.

ВАЖНО

В книге “Запретная вишня” присутствуют триггеры:

Сцены физического насилия (*избиение, применение силы*);

Сцены психологического и эмоционального насилия (*унижение, угрозы, манипуляции, газлайтинг*);

Сцены жестоких и кровавых пыток с детальным описанием:

Применение холодного оружия (*режущие и колющие ранения*);

Удушье (*ограничение доступа к воздуху, сдавливание шеи, захлебывания водой*);

Вырывание глазного яблока;

Удаление зубов и ногтевых пластин;

Введение игл под ногти;

Ожоги;

Сцены с ограничением свободы (*связывание, принудительное удержание*);

Описание посттравматического стрессового расстройства (ПТСР):

Навязчивые воспоминания и кошмары;

Тревожность, панические атаки;

Эмоциональная отстраненность

Триггеры.

Сцены с употреблением алкоголя и сигарет;

Откровенные сексуальные сцены;

Нелегальные активности:

Уличные гонки;

Контрабанда, незаконная торговля;

Криминальные разборки.

Убийства:

Гибель второстепенных персонажей;

Демонстративное насилие;

Вынужденное убийство от рук близкого человека.

Визуализация крови и ран (*подробные описания кровоте-*

чений, повреждений, следов насилия);

Нарушение личных границ (*принуждение, отсутствие согласия*);

Описание боли (*физические и эмоциональные страдания с детализацией ощущений*);

Я забочусь о вашем психологическом здоровье, оно важно!

P.S: книга с главным тропом — мафия!

KENFORD

ЦВЕТЕНИЕ ВИШНИ

— символ чистоты и верности:

Предать— значит, погибнуть,

Хранить верность— значит, жить вечно

«Тем, кто нашел человека, что засеял цветами шрамы на вашем сердце»

ПЛЕЙЛИСТ

AMIGDALA — Agust D

UNETHICAL — Faouzia

Specter of You — KamNox

What We're Running From — KamNox

Fall in Nowhere — Obsidian Swing

NEVER EVER — Omido

My Fate (Demo) — Dallas Green, Neverending White Lights

Приятная — Эндшпиль, Ollane

Control — Castle, Эндшпиль

LoseFace — Daniel Di Angelo

Shinunoga E-Wa — Fujii Kaze

Only Love — Jordan Smith

Invisible — a8p4s

He видно — a8p4s

Die For You — From Ashes to New

The One That Got Away — Katy Parry

Bloody Roses — drunken night

Tear Me Open — drunken night

Shadowstrike — drunken night

A Little Death — The Neighbourhood

Odd One Out — Hollow Ember

Иду к тебе — МУККА

Касания — PUSSYKILLER

I'm Not Okey — Ash and Echo

Моя душа — Artalasky

Je T'aime — Lara Fabian

ПЕРСОНАЖИ

Сант-Хилл:

Риккардо Карбоне — Капо Сант-Хилла

Энри́ке Карбо́не — Консильере Сант-Хилла

Уго Карбо́не — Исполнитель Сант-Хилла

Ине́с Карбо́не — мл. сестра, держит свой магазин одежды
в Сант-Хилл

Вита́ле Карбо́не — солдат Сант-Хилла

Ви́лдер Карбо́не — отец

Елена Карбо́не — мать

Флэ́тч — телохранитель Инес

Алекса — подруга Инес

Уилл, Фредди, Фиона, Лина — работники в ателье Инес

Анне́тт Карбо́не — первая жена Риккардо

Широ — сутенер в «Некси»

Изабелла (Иза) — администратор в «Некси»

Ёрки Виллемс — врач клана

Ёргин Виллемс — старший брат Ёрки, хакер клана

Тито Гоцио — глава отдела СІВ в ФБР

мистер Гордон — директор ресторана «Парадиз»

Ройс Коннор — спортивный директор в «Вишневый лед»

Джони Гасснер — бывший Консильере Сант-Хилла

Эзио Анденте — партнер мафии, контрабандист, бизнесмен

Имонн Анденте — жена Эзио, владелица сети лабораторий по производству духов

Керо Анденте — сын Эзио и Имонн

Шеннон — домработница семьи Карбоне

Джерси — бывший Исполнитель Сант-Хилла

Марго — женский врач клана

Арлин Шнайдер, Тэкито Бирн, Эван Дэвис, Роберта Рейтер, Финни Хьюз, Ликос Мюррей, Паола Оспельт, Рати Ван Дейк — уличные музыканты, путешествующие по миру

Баз (Себастьян) Марино — владелец паба «Аргус»

Дакс Биро — хакер, одна из приближенных людей Ёргина

Кераман Ламберт — хакер, один из приближенных людей Ёргина

Леви — солдат Сант-Хилла.

Арима, Алиса, Аливера и Ариана — дочери капитана Сант-Хилла

Марко, Серджи, Алессандро, Джино, Аргус, Антонио, Франко — новоиспеченные солдаты-подростки Сант-Хилла
Броуди де Фриз — психотерапевт Уго

Срэндо:

Рүфеан Колóмбо — Капо Срэндо

Талия Коломбо — жена Руфеана

Джузéппе Карúзо — Консильере Срэндо

Никколо Нано — зять Руфеана (муж сестры)

Элиза Нано — дочь Никколо

Даниэль Коломбо — сын Руфеана

Антонио Карпачо — один из капитанов

Клофорд:

Ита́ло Алле́гро — Капо Клофорда

Рена́то Алле́гро — Консильере Клофорда

Рудже́ро Алле́гро — Исполнитель Клофорда

Домини́ка Алле́гро — мл. сестра, пишущая картины

Джан Алле́гро — солдат Клофорда

Амбра Уо́тсон — жена Италло

Ама́то Алле́гро — отец-бывший Капо Клофорда

Ване́сса Алле́гро — мать

Са́лли — сутенер в «Фонтане»

Хёнсен — врач Клофорда

Беатрис Михико — подруга Доминики

Рензо Михико — отец Беатрис, партнер мафии

Эмилио — телохранитель Доминики

Хантер, Гарри — водители Михико

Зои Михико — тетя Беатрис, родная сестра Рензо

Зейн Михико — кузен Беатрис, сын Зои

Грейс — официантка в «Бриз Кафе»

Минхо — солдат Клофорда, друг Руджеро Аллегро

Мафорд:

Гоцон Мителло — Капо Мафорда

Габи Еспосито — мл. сестра Гоцона

Озаки Еспосито — муж Габи, капитан Мафорда

Анри — друг Доминики, художник-продавец

Миранда-Эмилия Гратц — жена Анри

Лоренцо Бьянки — Консильере Мафорда

Сальваторе Марони — Капо Мафорда, занявший место после Гоцона

Кенфорд:

Витторіо Леоне — Дон Кенфорда

Валеріо Агостіни — Консильере Кенфорда

Алессандро Корсини — Младший босс Кенфорда

Делла Корсини — средняя дочь Алессандро

Гроул МакКенод — один из членов комиссии традиционалистов

Дариус Честер — один из членов комиссии традиционалистов

Джанни Кардини — партнер мафии

Доминик Мёрфис — друг и партнер Джанни

Рене Аллегро — старшая дочь Инес и Руджеро

Бастиан Челларио — приближенный партнер мафии

Кайто Катаяма — отец Имонн, Юрики и Юниса, бизнесмен

Асами Катаяма — мать Имонн, Юрики и Юниса

Юрика Хираи — старшая сестра Имонн

Рэн Хираи — муж Юрики, один из председателей в «Ryu Logistics»

Юнис Катаяма — старший брат Юрики и Имонн, тренер юниорской баскетбольной команды

Джейсон (Джей-Джей) Уилсон — сбытчик-контрабандист

Винни Араи (Синтом) — сбытчик-контрабандист, напарник Джей-Джея

Сэмюэль — должник клана Сант-Хилл

Джулиан — посредник в клане

Ксандер — владелец дешевого паба “Кенор”

Эдди — владелец борделя “Форникс” в Дрейкфорде

Слатер — администратор в клубе “Зирон” в Мафорде

Инга, Ваннора, Хорхе — сотрудники в лаборатории

Имонн

Элиот (Лию) Калпеппер — сурдопедагог Кери

Докросс:

Антонио Романо — Младший босс Докросса

Герман Романо — сын Антонио, бывший Инес Карбоне

Маттео Гримальди — Дон Докросса

Рейд:

Ромеро Фаббри — отец Дарио, бывший Капо Рейда

Дарио Фаббри — Капо Рейда

Рубин Фаббри — сын Дарио

Иен Риччи — Консильере Рейда

Габриелла Риччи — жена Иена

Лорано Риччи — старший сын Иена

Валентино Мелони — Исполнитель Рейда

Неро Мелони — сын Валентино

Ноктавера:

Лука Греко — Дон Ноктаверы

Катерина Греко — жена Луки, родная сестра Ванессы Аллегро

Луиза Греко — дочь Луки и Катерины

Вита Греко — сын Луки и Катерины, Силовик Ноктаверы

Фаелан Хорват — Тени Виты

Авемор:

Брэшио Коста — Дон Авемора

Артуго Коста — сын Брэшио, будущий Дон Авемора

Шанта:

Альдо Каризио — Дон Шанты

ПРОЛОГ

**УГО
КАРБОНЕ**

8 февраля 2011

В особняке стояла тишина, — ни отцовского баса, доносящегося из кабинета, ни охраны у дверей, ни домработников. Только гулкое эхо моих шагов и отдаленный звук воды из кухни.

Убрав руки в карманы темных спортивных шорт, я не спеша спускался по лестнице в гостиную, куда вошел Риккардо из кухни, жадно глотающий воду из стакана.

Несколько минут назад закончилась тренировка, которую мы решили провести в спортзале особняка, пока Джони устраивал индивидуальное занятие для Энрике. Прохлада в комнате из-за приоткрытого окна чувствовалась влажной от пота кожей, и под прилипающей к телу футболкой.

На шее и у висков брата также блестели капли, как доказательство изнурительной тренировки, а наше дыхание до сих пор пыталось прийти в норму, немного рвано вырываясь.

Риккардо заметил мое появление, пока я все еще спускался, и только хотел что-то сказать, как мир будто подорвал-

ся: окна лопались вдребезги под градом пуль, осколки разлетались в разные стороны, когда я же мгновенно и инстинктивно прижался к перилам, прикрыв голову руками. В ушах немного звенело, но сквозь шум я слышал резкий, ледяной тон Рика:

— Уго, к младшим! Спрячь их! — брат уже неся к кабинету отца на первом этаже, где можно было взять оружие, и вот за ним с грохотом захлопнулась дверь.

Ноги рванули вверх по лестнице, а в голове звучало обрывочно: *«Инес. Витале. Нужно их спрятать в подвал»*

— Что происходит? — паника подкатывала к лицу сестры, когда я ворвался в ее комнату. Видимо, шум из гостиной добрался и до нее.

Хотелось облегченно выдохнуть, что Витале сейчас находился здесь, и не пришлось бы тратить время на то, чтобы забрать его. Но в больших карамельных глазах метался нескрываемый страх.

Подхватив брата на руки, я кивнул Инес в сторону потайной двери за книжным шкафом. Слегка дрожащими пальцами ввел код на панели, замок щелкнул, и мы быстро прошли в темный проход.

Спускаясь по узкой лестнице, я чувствовал, как Инес цеплялась сзади за мою футболку, а Витале сильнее прижимался, хватаясь за шею.

Добравшись до нужной двери, поднес ладонь к панели и отсканировал свои отпечатки пальцев, после чего та откры-

лась, и я подтолкнул Инес внутрь, поставив младшего брата на пол.

Здесь имелось все необходимое, чтобы была возможность выжить в течении недели всей семье, так что проблем возникнуть не должно.

Подбежав к столу, я открыл кейс, висевший на стене, и хлопнул по кнопке, которая тут же послала сигнал о вторжении в особняк.

— Ты куда? — неожиданная хватка сестры на запястье затормозила меня, когда уже собирался вылететь за дверь.

— Рик там один, Инес. Я не могу его оставить, так что, позаботься о Витале, хорошо?

— А если вас убьют? — глаза брата наполнялись слезами, пока он цеплялся за края моей футболки.

Витале было всего девять, но он уже имел понимание мира, в котором мы жили. Такое объясняют и вдабливают на подкорку подсознания с самого детства.

Я провел рукой по его кудрявым волосам, и, присев на корточки перед ним, спокойно и уверенно сказал:

— Не убьют. Ты мне веришь? — кивок напротив, пока он слезы кулаком вытирал. — Умница. Постарайтесь не шуметь, ладно?

Поднялся на ноги, и дверь за мной захлопнулась, издав звук блокировки системы.

Возвращаться к Риккардо с пустыми руками было самоубийством, отчего, выбравшись из подвала, я решил до-

браться до спортзала, в котором хранились ножи для тренировок. На то, чтобы искать возможность дойти до своего крыла, где мог найти что-то более полезное, времени не было.

Пuls стучал в ушах, смешиваясь с шумом из гостиной, где больше не было слышно стрельбы. Но все остальные звуки сменялись друг за другом точно в яростной борьбе.

Раздался тяжелый глухой удар, будто чье-то тело впечаталось в стену. А далее, скрежет, подобный такому, словно по паркету волочили что-то массивное. Возможно, опрокинули диван.

Резкий пронзительный звон разбившегося стекла, — это точно разлетелся журнальный столик.

За звоном тут же последовали хриплые, рваные выдохи, а я уже ворвался в спортзал, схватил два стилета, и добрался до гостиной, где творился хаос: стекла хрустели под подошвой кроссовок, мебель перевернута, на стенах и полу темнели кровавые пятна, пока в нескольких углах гостиной лежали трупы в чужой форме.

Тело окаменело, когда я замер на пороге, а сердце рухнуло на пол куда-то в осколки, заметив, как Риккардо рвано и тяжело дышал, стоя на коленях перед тем, кого мы видели лишь на фотографиях, — Капо клана Нейро заводил руки за спину, когда он нашел меня глазами.

Светлые волосы были собраны в растрепанный высокий пучок на голове, лицо покрыто шрамами, широкие плечи

в обтянутой форме темно-синего цвета и опознавательным значком, с помощью которого можно было узнать должность того, кто явился по твою душу.

Брат склонял голову к груди, а волосы, слипшиеся на концах от крови, что бежала по виску, свисали шторкой, прикрывая его лицо. Но мне не нужно было видеть родные глаза, чтобы понять, в каком он был ублюдском состоянии. Риккардо больше не сопротивлялся, но его все равно удерживали люди Нейро, будто боялись, что даже в этом полумертвом состоянии он сможет вырваться.

Белая футболка на нем больше таковой не являлась. Ткань пропиталась и превратилась в липкую тряпку, облепляющую его тело. У меня не получалось отодрать взгляд от этого огромного багрового пятна на боку живота брата, что расплзалось все шире.

Под футболкой, там, где должна была быть рана, виднелся рваный край — кожа разошлась, обнажая что-то темное, влажное, почти черное. Понимание пришло моментальное: это был не просто порез. Это было глубже, страшнее. Возможно, нож, которым пырнули Риккардо, задел внутренности. Иначе, откуда столько крови?

Один из людей Нейро демонстративно приподнял футболку брата, чтобы мне было “лучше видно” рану. Все, как в замедленной съемке.

Я сглотнул, чувствуя, как к горлу подкатывала тошнота, а в ушах грохотал собственный пульс. Края раны Риккардо

были неровными, будто кто-то рвал плоть голыми руками. Внутри же багровая мякоть и блестящие от влаги сгустки. Кровь продолжала сочиться медленно, неумолимо, собираясь в лужицу под его телом.

Риккардо не стонал, не кричал. Но шумно и рвано дышал.

А гостиную уже напыхивал запах свежей крови, которой даже для помещения таких размеров было много.

— О, еще один малыш, — усмешка блондина перетянула мой взгляд от Рика к нему. — А что, папочки сегодня дома нет? Как жаль, я рассчитывал на его присутствие, — театральный вздох Капо заставил Риккардо поднять на меня глаза, в которых не было страха, только упрямая решимость. Но атаковать, как и сопротивляться, он больше не мог.

Старший брат продолжал дышать все тяжелее, а на его коже и одежде была смесь пота и крови. Своей и чужой.

— Избавьтесь от него, — Капо кивнул троем мужикам, что были рядом с теми, кто удерживал Рика.

И они двинулись ко мне, а мои пальцы крепче обхватили рукоятки стилетов. Ладони потели, вызывая легкое предчувствие, что я мог потерять ножи в бою слишком просто, но пытался игнорировать его.

Первый из них был с металлической битой, второй — безоружный, а у третьего кровавый зубчатый нож. Тот самый, которым, судя по всему, и был ранен Рик.

Гнев, ярость и страх смешивались в крови, пуская мне внутривенно адреналин и совершенное отсутствие самосо-

хранения. Здесь не было места страху. Не когда он, как допущенная ошибка, мог стать одной из причин смерти моей семьи.

Первый удар пришелся от биты: свистнул воздух, и я едва успел отклониться. Та врезалась в стену: раздался сухой треск, посыпалась штукатурка, а в бетоне осталась глубокая трещина.

Безоружный бросился на меня, и его кулак мелькнул перед глазами, — грязный, в ссадинах и запекшейся крови. Но я увернулся, скользнул вбок и без единой мысли всадил стилет в плечо. Лезвие вошло легко, почти нежно, порвав ткань и плоть с тошнотворным звуком. Он вскрикнул, отшатываясь, и в его темных радужках вспыхнул не просто гнев, а чистая и необузданная ненависть. Из его раны выплескивалась кровь, растекаясь по рукаву жирной полосой.

Третий с ножом атаковал сзади. Вдруг холод металла оказался у моей шеи, но я успел развернуться. Клинки встретились с лязгом, а в глазах напротив горела такая злоба, что казалось, она могла прожечь насквозь.

Мои навыки ближнего боя были лучшими среди братьев и всего потока новобранцев, и это стало также неожиданно и для клана Нейро.

Бита снова взметнулась, но на этот раз я не стал уклоняться, а шагнул навстречу, сокращая дистанцию, и лезвие стилета впилося в предплечье нападавшего с противным хрустом, будто проткнуло перезрелый плод. Тот взревел, бита

выпала из его рук, но он не сдался: схватил меня за ворот футболки, дернув к себе, и резко всадил кулак мне в грудь.

Я потерял равновесие, рухнул спиной на паркет с глухим стуком, *выронив стилеты*, и мгновенно последовала жгучая, разрывающая боль. Осколки от разбитого стекла впились в спину и руки, будто сотни крошечных ножей за раз.

Прежде, чем я успел вздохнуть или даже попытаться встать, чужие колени придавили мои бедра, а грубые пальцы впились в горло. Они сжимались медленно и методично, словно проверяя, насколько хватит моих сил. Я инстинктивно схватил его запястья, пытаюсь оторвать руки от себя, но хватка этого урода была железной.

Первый миг удушья стал резкий, обжигающий. Горло сжалось, будто в раскаленных тисках. Я пытался вдохнуть, но ничего не выходило. Вместо воздуха только пустота, холодная и беспощадная.

Перед глазами заплясали черные точки. Они множились, сливались, затягивая мир темной пеленой. В ушах звенело, будто кто-то бил в колокол. Медленно, размеренно, но с каждым ударом все громче.

Я дергался, извивался, пытался ударить его ногами, но он сидел крепко, как чертова неподвижная скала. Мои пальцы скользили по его запястьям, ногти царапали кожу, оставляя белые и красные полосы, но хватка не ослабевала.

Легкие горели, будто их наполнили раскаленным углем. Каждое движение давалось с нечеловеческим усилием.

Мышцы будто окаменели.

Он давил на меня своим весом, сильнее вжимая в осколки на полу. Острые края врезались в кожу, разрывая ее, и я чувствовал, как кровь стекала по спине и рукам.

Вторая волна темноты накрыла сильнее. Мир сузился до узкой щели перед глазами. Я чувствовал, как силы уходили, а тело становилось ватным, непослушным, будто уже почти мне не принадлежало.

В сознании же вспыхнули обрывки воспоминаний: смех Инес, улыбка Витале, Риккардо и Энрике, которые всегда говорили: *«Ты сильнее, чем думаешь»*.

И тогда внутри что-то- взорвалось. Не ярость, а чистый, необузданный инстинкт выживания.

Я резко согнул колени, вложив в движение последние остатки сил, и ударил его кулаком в живот, попав куда-то рядом с солнечным сплетением. Он охнул, и хватка дрогнула. Этого мгновения хватило: я рванулся вбок, вывернулся и сбросил его с себя.

Перекатился, жадно хватая ртом воздух. А тот был холодным, колючим. Каждый вдох обжигал горло, но я глотал его, как драгоценность, как спасение, и закашливался, словно задыхался.

В глазах все еще плыло, но я видел его силуэт: тот мужик поднялся на ноги, начав подходить ко мне, но вдруг остановился.

Мой взгляд сам нашел Риккардо, которого все еще удерж-

живал один из уебков Нейро. Брат был без сознания.

Чужие берцы с военной шнуровкой оказались слишком близко ко мне, и мои глаза бросились наверх, к обладателю. Капо Нейро же присел передо мной на корточки, довольно хмыкнув:

— А ты резвый, — языком по верхним зубам провел. — И живучий.

Его выражение было безразличным, а глаза, холодные и пустые, впивались в мое лицо.

— Ответ на один вопрос, он решит кое-какой диссонанс в моей голове.

Поджимая губы, я продолжал молчать, а Капо наклонился ближе, прошипев:

— Кто из вас следующим займет место главаря этого района? — его взгляд скользнул к Рику и обратно ко мне.

Без каких-либо колебаний, с моего языка сорвалась ложь: — Я.

Ухмылка растянулась на жестоком лице.

— Как же... — и словно на выдохе облегчения: — Идеально сошлись карты.

Он поднялся на ноги и, не отрывая от меня взгляда, негромко, но жестко бросил:

— Держите его.

Я не успел даже дернуться, словно те, кому отдали приказ, до этого дышали мне в затылок, и резко вдавили в пол с такой силой, что у меня хрустнули лопатки. А когда они на-

чали заламывать руки, я попытался вырваться, но безуспешно: хватка была мертвой, будто в тисках. Одним рывком они поставили меня на колени рядом с братом — лицом перед их Капо.

Паника начала подступать, ползя по стенкам горла и отбивая пульсом в крови, когда тот оказался слишком близко передо мной. Настолько, что я чувствовал его запах. Это была смесь табака, алкоголя и чего-то гнилостного.

Попытки вырваться из хватки не прекращались, а в теле хлестала боль: в мышцах, будто их рвали на волокна; в суставах, словно их выкрутили до предела; и во всех местах, израненных глубокими порезами, чьи края уже набухли и горели.

— Тише, малыш, не бушуй, — ухмылялся Капо, протягивая руки к моему лицу. Его пальцы, холодные и сухие, коснулись моей щеки. — Мы всего лишь оставим сообщение твоему отцу, который... — и поморщился немного, — совсем не проявил уважения ко мне и моим людям.

Он зафиксировал пальцами мою голову и сжал челюсть так, что у меня скрипнули зубы.

— А ты же знаешь, что бывает в нашем мире за неуважение, верно?

Он подобрался еще ближе, расставив ноги по бокам от моих колен, и чуть склонился, потянувшись к левому глазу. Тот, кто стоял позади слева и удерживал меня, отчаянно пытающегося вырваться, начал оттягивать вверх веко.

В следующую секунду из меня рывком вырвался нечело-

веческий вопль. Непередаваемая, адская боль в глазу накрыла все тело за доли секунды, будто раскаленный штырь вонзился в мозг, раздробив кость и разорвав нервы.

Капо проник указательным пальцем мне в глазницу. Сначала лишь кончик, но затем он начал медленно и мучительно вдавливать палец глубже. Четкое ощущение, как ноготь царапал внутреннюю поверхность, как рвались ткани, и как что-то влажное и горячее начинало заливать глазницу. Он надавливал сбоку, и чем глубже проникал, тем все невыносимее становилась боль. Она была не просто острой, а *всепоглощающей*. Растекалась по черепу, как плавленное железо, которое обжигало до мяса и крови, и заставляла молить о гребаном Аде. Крик и рычание разносились по особняку, пока я чувствовал, что задыхался.

Ублюдок продолжал давить, вращая пальцем, будто пытался нащупать что-то внутри. Я чувствовал, как мое глазное яблоко деформировалось, как оно сдавливалось, как нервы натягивались до предела, готовые лопнуть. Невозможная боль била так, что сознание начало расплываться, погружая меня в вязкий, кровавый туман.

Но Капо Нейро не останавливался. Он медленно, с почти ритуальной тщательностью, начал вытягивать глаз наружу. Каждая клетка моего тела чувствовала, как оно покидало свое место. И каждое его движение сопровождалось новой волной боли. Она являлась не просто физической, а метафизической, будто уже сама душа кричала от этой пытки.

Она была везде:

В голове — череп раскалывался на части, а внутри бушевали языки пламени, пожирающие мозг;

В глазу — жгучая и раскаленная, будто кто-то вкручивал винт в мозг, а затем начал поливать рану расплавленным металлом;

В шее — мышцы напрягались до предела, вены вздулись, пульсируя так сильно, что казалось, они вот-вот лопнут; кровь стучала в ушах, заглушая все остальное;

В спине и руках — осколки стекла, впившиеся в плоть, будто оживали и начинали двигаться внутри, разрывая мышцы и сухожилия; каждый порез горел, как от раскаленного железа, а кровь стекала по коже, образуя липкие дорожки.

Капо медленно и мучительно вытягивал глазное яблоко, а я чувствовал, как нервы натягивались, будто их вырывали из мозга.

Адская боль парализовала тело — подавлять ее больше никак не получалось. Это было хуже, чем огонь, хуже, чем удар ножом. Это была боль, которая стирала границы с реальностью.

Такого я еще никогда не испытывал.

Она стала настолько острой, что я на мгновение потерял сознание. Но Капо Нейро не дал мне уйти до конца... Резкая боль от удара по лицу вернула в реальность:

— Не смей отключаться, щенок, — прошипел он, а его голос прозвучал где-то на грани слуха, будто сквозь толщу

воды. — Ты должен видеть. Иначе, как ты передашь сообщение своему папаше?

И я видел.

Сквозь кровавую пелену, сквозь слезы и боль, видел его спокойное, почти равнодушное лицо, покрытое шрамами. Видел, как мой собственный глаз висел на нервах еще короткое мгновение, ведь в следующую секунду, он осторожно острием ножа порвал нервы, как нитки.

Ослепляющая вспышка очередной боли разорвала каждый уголок тела на части. А крик в этот раз оказался самым громким из всех, что звучал в стенах особняка сегодня вечером, превратившись в бесконечный *вопл*.

ВИШНЯ ПЕРВАЯ

**УГО
КАРБОНЕ**

Январь 2020 года

Рывок, и я уже сидел на смятой постели. Легкие сжались легким спазмом от привычного испуга, в груди расплзался жар, а холодный пот покрывал лоб и виски, делая мои короткие волосы чуть влажными.

В спальне стоял полумрак от плотных черных штор на окнах и прохлада от всегда включенного кондиционера. Взгляд метнулся к прикроватным часам: 4:02.

Ничего нового.

Кошмары будили меня, как по будильнику, не давая возможности на сон до рассвета или, хотя бы, до настоящего будильника, который я уже не имел никакого смысла заводить.

Сдернув с себя темное одеяло, ноги увели меня в душ. Шум воды, как и почти мгновенный горячий пар окутали небольшую комнату, и я, скинув спальные штаны и боксеры в корзину для грязного белья, встал под струи, что слегка опаляли кожу. Контрасты температур были одним из моих личных пунктов, которые приводили разум в трезвое со-

стояние после того, что приходилось переживать ментально снова и снова каждую ночь.

Собственный крик стоял в ушах вот уже столько лет, и я благодарен тому, что никто из членов моей семьи его не слышал в тот вечер.

Вода уносила в слив по трубам весь страх и ужас, проникавшие во сне под кожу семнадцатилетнего парня, давая возможность вдохнуть полной грудью двадцатилетнему мужчине.

Напоминание о том, что случилось приходило не только во снах, но и отражалось в зеркале напротив, когда смотрел в него, пока чистил зубы мятной пастой. Повязка на глазу появлялась каждый раз, когда стоило только проснуться, — руки к ней тянулись уже автоматически и мгновенно, раньше, чем просыпался разум. Я уже и не помнил, как выглядел без нее, но и мазохистом не был, отчего желания напомнить совсем не возникало.

Выйдя из ванной комнаты, холодный воздух сразу пустил волны мурашек по влажной распаренной коже, пока я чуть придерживал полотенце на бедрах, подходя к шкафу. В нем висела уже подготовленная на сегодня одежда: строевой комплект клана. Он состоял из черного кителя, на котором был вышит отличительный знак клана Сант-Хилла, черной футболки и таких же черных карго-штанов.

Переодевшись, я прикрепил к бедрам ножны, как и кобуру, предварительно перепроверив магазин ствола. Митен-

ки на ладонях уже были неотъемлемой частью меня самого, ведь я снимал их так же часто, как делал это с повязкой на глазу: только на ночь. Или на мероприятиях. *Ни одно оружие больше не должно было выскочить из рук в ответственный момент.*

Подойдя к комоду, я выдвинул один из средних ящиков. В нем была небольшая коробка, из которой достал баночку и, открыв ее, вытряхнул себе на ладонь таблетку, после чего запил ту водой.

Я принимал СИОЗС¹ уже достаточно лет, чтобы понимать, что он мне не особо как-то помогал. Но я был абсолютно против смены лекарства на более сильное, так как у них имелся ряд побочных, которые значительно могли помешать мне в работе.

Стук в дверь прозвучал, когда мои пальцы повторяли ежедневную военную шнуровку на берцах, плотно затягивая их на ногах. Ответ тому, кто стоял в коридоре, был не нужен, отчего я молча продолжал заниматься своим делом, — Риккардо знал, что я уже не спал.

Войдя, он привычно поморщился от температуры в моей спальне, которую не совсем одобрял, но уженичего не говорил.

В его усталых глазах читалось, что брат еще не ложился,

¹ СИОЗС (селективные ингибиторы обратного захвата серотонина) — это группа антидепрессантов, которые помогают улучшить настроение и снизить тревожность. Его также назначают при первой линии ПТСР.

а скорее всего, провел все это время безвылазно в своем кабинете за работой. Возможно, на пару с Энрике, так как время подходило к проверке бухгалтерии в «Некси», за который тот отвечал. Или же это из-за «Кёрли», где Риккардо необходимо было одобрить несколько предстоящих проектов для строительства.

Легальный бизнес был одним из самых выматывающих составляющих в ежедневных буднях каждого из нас, ведь на него попросту не хватало часов в сутках, и приходилось периодически жертвовать сном. Кто-то, наверное бы, мог сказать, что проще ко всему этому относился Энрике, но я знал, что тому отчего-то просто всегда нравилось носить при себе маску беззаботности, хотя голова прекрасно варила, и была забита не поверхностными вещами.

— Его выпускают сегодня? — негромкий голос Риккардо прорезал тишину спальни, в которой горели лишь еще не выключенный ночник у кровати и светильник у стола.

Плотно заправив шнурки, я поднялся с кресла, взглянув на брата:

— Я заберу его во второй половине дня, — взяв с тумбочки наручные часы, я защелкнул их на запястье.

— Он попросил? — уголок губ брата дернулся в усталой ухмылке.

— Синтом любит много внимания к себе, — я пожал плечами. — Как и потраченное на него время.

— А ты не против его ему предоставить, — вздохнув, Рик

сложил руки на груди. — Ему повезло, что у него есть такой друг, как ты.

Молчание поглотило комнату на несколько секунд, пока я не нарушил тишину:

— Он часть клана, — следом подчеркнул: — *не друг*.

И вышел из спальни, оставляя понимающий взгляд брата за спиной.

Руки прятались в карманах моей куртки, пока снег медленно спускался на землю, покрывая все вокруг не первым слоем. Воздух вырывался при дыхании, превращаясь в пар перед носом, пока легкий мороз щипал и кусал за открытые участки: лицо, уши и шею, ведь куртка расстегнута.

Кенфорд был погружен в праздничную атмосферу: на улицах горели гирлянды, все украшено рождественскими игрушками, а в магазинах и рядом с заведениями играла новогодняя музыка. Но то место, куда меня привели мысли и дата в календаре, значительно отличалось от всего происходящего в городе, — здесь всегда сохранялась тишина, холод и, гуляющий между деревьев с белыми цветами, ветер.

Хруст снега от приближающихся шагов никак не привлек моего внимания, ведь я знал, *кто именно* решил нарушить то уединение, созданное мною несколько минут назад. Он остановился рядом, справа от меня, шарясь во внутреннем кар-

мане своей куртки. Мой взгляд коротко метнулся к тому месту, где его рука залазила за стенки теплой одежды, но уже в следующую секунду, я вновь, смотрел перед собой.

Достав то, что я ему привез, когда забрал его около часа назад, он подкурился и затянулся. Горький запах почти сразу хлестанул мне по носу, но я не подал и вида, что тот был несильно приятным для меня. Я таким не баловался.

— А ты тут прибираешься, — на выдохе с дымом хмыкнул он. — Видно, что часто приходишь.

— Это не так, — и его взгляд темно-зеленых глаз мазнул мне по щеке, пока он затягивался.

И совесть под ребрами кольнула сильнее, но не отразилась на лице.

— У меня нет возможности приезжать чаще, чем раз в несколько месяцев.

Он пожал плечами, уведя глаза туда, к чему был прикован мой взгляд — холодная могильная плита с именем того, чьи глаза, полные страха и, одновременно, уверенности, до сих пор периодически снились по ночам. Между другими кошмарами.

Чужая рука хлопнула меня по плечу, а дым снова проскользнул между его губ:

— Ты сделал для этого мальчика больше, чем кто-либо. На него насрать даже родной мамке. Уверен, она не ебет, что ее сынуля здесь похоронен.

— Реджи и не хотел бы, чтобы она знала, — правда сле-

тела с моего языка. — К тому же, такие вещи не распространяются кому попало. Учитывая, что к нему вообще никому нельзя приходить после того, что случилось.

Особенно мне.

На лице мужчины заиграла ухмылка, когда он сделал тягу. — Нравится мне это «кому попало» из твоих уст, когда речь заходит о тех, кто должен быть ближе всех. Но ты прав, — Синтом кивнул, будто, самому себе, опустив на мгновение взгляд к заснеженной земле. — Ты ему был ближе, чем та сука, звавшая себя его матерью. Да и, наверное, ближе, чем любой другой человек в мире. Готов поставить свой член на то, что за эти шесть лет, кроме тебя, к нему никто не приезжал. Рисковать своей шкурой в нашем обществе не принято.

Мои брови сами чуть нахмурились, пока ветер слегка перебирал волосы, а я взгляда так и не сводил с выгравированного **«Реджинальд Хубер. 20.01.1994г - 19.01.2014г»** на могильной плите.

— Ты докурил? — вопрос слетел с моих губ после немного затянувшейся паузы.

— Только из уважения к твоим трудам мусорить здесь не стану, — хмыкнул он, и, развернувшись, направился к выходу с кладбища, где была припаркована машина.

Я же помедлил прежде, чем пойти за ним.

Завтра у Реджи должен был быть двадцать шестой день рождения, но за эти шесть лет мне ни разу не позволила со-

весть прийти к нему именно в этот его праздник. Имел право являться лишь за день «до», в день смерти.

Захлопнув дверь, сидя в водительском кресле “Рендж Ровера”, я вырулил со стоянки. Поток мыслей грузил голову, пока их не сбил, как поезд, голос справа:

— Знаешь, о чем я мечтал в тюрьме? — и я взглядом мельком скользнул к его немного небритому лицу.

— О чем?

— Три вещи, — и он выставил указательный палец: — первое: жестко хотелось покурить.

О том, что мне известно о его жизни в заключении, я решил промолчать. Как и о том, что был прекрасно осведомлен о передачах через договорных сотрудников тюрьмы. К тому же я лично приезжал несколько раз. Но и об этом ему говорить не собирался.

— Второе, — он выставил средний палец: — секс. У меня «спермический» застой, я тебе клянусь. Думаю, что такая форма пытки одна из самых жестоких.

Сексом он был обделен лишь последние полгода из всех четырех лет, которые там просидел. Ему очень нравилось приbedняться и драматизировать.

— И третье, наверное, самое главное из всех пунктов, — безымянный палец присоединился к его указательному и среднему. — Хот-дог из «Дутси». Клянусь, Уго, у меня был бы еще больший застой спермы, если бы я не кончал от одной лишь мысли, что снова когда-то смогу съесть это боже-

ство человечества.

А вот хот-догов ему никто не привозил.

— Я понял, — кивнул и свернул влево на перекрестке.

Через двадцать минут в соседнем кресле от меня, на пассажирском месте, он уже постанывал с полным ртом от удовольствия и плевал на чистоту вокруг себя. Я же продолжал никак это не комментировать, лишь поставил пометку в голове: помыть после него салон. К счастью, направлялись мы, как раз таки, на одну из автомоек.

— Твою ж мать, я и забыл, какой ты молчаливый, — вздох прорвался сквозь пучины забитого едой рта. — Молчаливый, умный, понимающий. И почему ты еще не женат? Удивительно. Честно говоря, я думал, что за время моего отсутствия ты точно уже станешь окольцованным. Даже, если это будет с подачи традиционалистов, а не твоим собственным желанием.

— У меня нет времени на брак.

— Разве кто-то говорит о времени? — фыркнул он, перекладывая в руках остатки хот-дога. — Как я понял, большинство в мафии практически не видят своих семей. Всего лишь красивая картинка для мероприятий, журналюг и секс, как выплеск скопившегося негатива за весь день. Приятный бонус: наследники.

В глазах мужчины виднелось его истинное отношение к подобному, и это были *совсем* неприятные эмоции. Скорее, легкое отвращение.

— Но я реально удивлен, как тебе еще никого не пихнули, учитывая, что ты так-то, ни для кого не секрет, хорош собой, и все вышеперечисленные крутые качества. К тому же занимаешь не последнюю должность в криминальном мире.

— Хочешь поговорить о моем несостоявшемся браке, который даже никогда не намечался? — остановившись, выскользнул из “Рендж Ровера”, и когда он тоже захлопнул дверь со своей стороны, я заблокировал машину.

Ноги повели ко входу автомойки, откуда был слышен громкий шум напора бьющейся воды. Открыв дверь, я пропустил его вперед, так как в грязных руках Синтом все еще нес остатки хот-дога.

— Не совсем, — он облизал палец, что был испачкан соусом. — Просто заполняю тишину, *забудь об этом*, — усмешка скользнула по его лицу, когда он проходил по коридору к нужной двери. Оттуда же слышались знакомые мужские голоса.

Запихав в рот хот-дог, Синтом распахнул дверь и вошел в просторную комнату отдыха. Я же зашел следом, а все притихли, обернувшись.

— По вашим лицам не скажешь, что вы меня ждали, — ухмыльнулся он, оглядывая присутствующих.

Это был Винни Араи, которого все в нашем мире знали больше по прозвищу — Синтом. И я только что забрал его из тюрьмы, где ему пришлось отсидеть четыре года. Это самый незначительный срок, на который могли посадить этого

тридцатилетнего мужчину, который являлся одним из самых главных сбытчиков-контрабандистов клана.

Его познания в области нелегальных стимуляторов не оставляли вопросов: Синтом знал систему изнутри. Он имел представление и понимание обо всех видах, как и о том, из чего они состояли, и где их можно было достать. У кого и за сколько. Или же, как произвести.

Четыре года назад Винни принимал груз одной из поставок в северной части пригорода, недалеко от Дрейкфорда, где его поймали с контрабандой чужого клана и приписали к ним. Араи, поняв, что если кто-то за него впряжется, то он лишь утащит за собой весь наш клан, отчего решил только соглашаться и кивать болванчиком, якобы, в самом деле, являясь перевозчиком совершенно другой группировки. Отсидеть пришлось немного, поэтому Синтом и не стал брыкаться, — это спасло ему жизнь, как и сохранило место по возвращению.

Сейчас же он о чем-то болтал со своими «подчиненными», которые также работали под прикрытием на одной из точек сети автомоек в городе.

— А где Дже... — не успел Синтом договорить свой вопрос, как за нами распахнулась дверь, ударившись о стену и заставив нас обернуться.

— Почему ты мне не позвонил!? — голос парня был запыхавшимся, будто он бежал, а вздымающаяся грудная клетка это подтверждала. — Я ждал твоего звонка все гребаное

утро! А когда не выдержал и приехал, мне сказали, что твой зад уже давно на воле!

Взъерошенный Джей-Джей стоял на пороге в комнату в расстегнутой дутой куртке, из-под которой виднелась свободная черная футболка, а на ногах привычные старые серые треники и... высокие кеды. Этот парень никогда не заморачивался ни над своим внешним видом, ни над погодными условиями, ни над тем, что выливалось из его рта и перед кем. Как и никогда не переживал за собственную кожу.

Джей-Джей, — или, как по документам, Джейсон Уилсон, — был беспечным и несерьезным, но его жизнь все еще не оборвалась только из-за того, каким мозгом он обладал.

С первого взгляда могло показаться, что этот двадцати девятилетний парень ни в чем не разбирался. Как и, скорее всего, не знал и грамма в той сфере, в которой варился. У многих всегда возникали вопросы при виде него.

Но я не встречал ни одного человека, который бы владел такой смекалкой, смелостью, удачей и багажом знаний в области контрабанды и сбыта также, как ими владел Джей-Джей. Даже Синтом ему в этом немного уступал.

Он казался вечным подростком, чем вызывал уйму замешательств, вопросов и даже раздражений у тех, кто с ним впервые встречался. Но ни один из клана не посмел бы тронуть этого парня, ведь прямо за его спиной «стоял Дон».

— А ты что, соскучился по мне? — улыбнулся Синтом.

Винни знал Джейсона еще с младшей школы, но их друж-

ба зародилась в подростковом возрасте. Она была близкой, на уровне братьев. И в какой-то момент, будучи студентами, они решили впустить в свои жизни криминал и контрабанду, став ближе к двадцати четырем годам одними из самых известных сбытчиков-контрабандистов в преступном мире. Тогда-то Витторио и заявился к ним на порог со своими «предложениями».

Но поимка Винни стала переломным моментом в жизни Джей-Джея, хоть он и старался этого не показывать.

— Вот еще! — фыркнул тот, сложив руки на груди. — У меня тут и без тебя было все в ажуре.

Синтом начал подходить к нему, не собираясь прятать довольного выражения лица, пока я же отошел к столу, наблюдая за происходящей картиной.

Винни всегда спрашивал про Джей-Джея пока был в тюрьме, так что, я мог точно сказать, что он скучал по своему лучшему другу.

— Правда? Поэтому ты сейчас злишься, что я тебе не позвонил?

Брови Джей-Джея хмурились, пока он взглядом впивался в Винни, что стоял уже в шаге от него:

— Я не злюсь. Просто ты бессовестный эгоист.

Синтом театрально положил руку себе на грудь:

— Я?! Это был выстрел прямо в сердце!

— Четыре года, Винни! Я не видел тебя четыре года!

Из-за того, что Арай и Уилсон были тесно связаны друг

с другом много лет и не только в плане близкой дружбы, но и нелегальным бизнесом, который напрямую принадлежал к нашему клану, Агостини предупредил Джей-Джея, чтобы тот не смел и на пушечный выстрел приближаться к «комнате для свиданий» в месте заключения Винни. И тому ничего не оставалось, кроме того, чтобы подчиниться, иначе бы Араи вернулся и рулил уже все в одиночку, ведь напарник бы разлагался где-нибудь на дне океана.

Мафия обеспечивала их двоих защитой перед всеми группировками, но только до момента, пока они сами не пойдут против прямого приказа Дона или его Консильере.

— Ладно-ладно, — перекинув руку через плечо другу, Синтом потрепал его по волосам. — Я тоже скучал по твоей физиономии, не дуйся, Джей-си.

— Заткнись.

— Вы закончили? — их взгляды устремились на меня. — Нам нужно будет еще успеть заехать к Ёргину, — напомнил я, взглянув на часы.

— Малыш Ройс-и тоже там будет? — ухмылка растягивалась на лице Винни.

Ему нравилось перестраивать имена в ласкательные, к чему привыкли уже все. И даже спустя четыре года отсутствия контрабандиста, ни на одном лице не было заметно замешательства.

Он бросил ключи от “Рендж Ровера”, которые я ему отдал, одному из парней:

— Приберите в салоне. Я там слегка нагадил.

— Ройс сейчас готовит предстоящий матч, который состоится на следующей неделе. Так что времени у него особо нет.

Винни отпустил Джей-Джея и спрятал руки в карманах болотной куртки:

— Я понял. Нужно посветить лицом, дать интервью и мило поулыбаться, создавая «легальный» образ. Крошка Ройс-и, как и всегда, берет на себя все лавры, — и, вздохнув, он поплелся к выходу.

— Ты сейчас уедешь? — между русыми бровями появилась морщинка.

— Я вернусь где-то через пару часов. Сходим в «Бекку»?

— Ты терпеть не можешь «Бекку», — фыркнул Джей-Джей. — Закажу пиццу из «Пицца Таймс» и возьму пива.

— Я уже говорил, что скучал по тебе, Джей-си?

И на этих его словах я вытолкал Синтома за дверь.

— На чем поедем? Вряд ли ты меняпустишь на своего коня, верно?

Взгляд скользнул к байку, что был загнан, когда я приехал сюда этим утром и пересел на “Рендж Ровер”.

—*Забудь об этом.*

Рот Синтома растянулся в широкой улыбке, и он расхохотался:

— А ты не забыл.

Открыв водительскую дверь, недалеко от нас стоявшего, бордового “Доджа Чарджера”, уголок моих губ чуть припод-

нялся, вернув взгляд владельцу этого автомобиля:

— Не забыл.

«Забудь об этом» в мире Винни Арай по прозвищу Син-том значило — иди к черту. Хотя, в каких-то ситуациях, это могло означать, в самом деле, «забудь об этом». Но, почему-то всегда эта грань отчетливо чувствовалась, и дополнительные объяснения были не нужны.

Добравшись до офиса, расположенного практически в самом центре Сант-Хилла недалеко от «Кёрли», мы поднялись на нужный этаж.

Стук подошвы от моих берцев и его ботинок разносился по коридорам, пока мы маневрировали по зданию, заворачивая то в одну сторону, то в другую. В этом офисе было невозможно ориентироваться тому, кто не знал точного пути и местонахождения нужного кабинета, — если тот можно так назвать. Ведь коридоры в этом здании были абсолютно одинаковыми до чертовых сантиметров между плитками.

Здесь практически не было отопления потому, что большинство сотрудников любили работать в прохладном помещении, отчего легкий холод пробирался под мой китель, но никак не вызывал мурашек. Мне тоже импонировала такая температура: в ней лучше думалось.

Приложив карту к сенсорной панели, я сразу же ввел появившийся код из восьми чисел, который уже давно знал наизусть, и автоматические двери раздвинулись в разные стороны, пропуская внутрь.

Я понимал, почему и зачем нужна такая система безопасности, — она была лишь в нескольких кабинетах этого офиса, — поэтому никогда не возникал.

Рабочая зона Ёргина и его приближенных хакеров — Кермана и Дакс — охранялась не просто так, ведь здесь хранилась информация абсолютно на все живое и не живое в мире. Любой компромат, любые секреты — все было в этом кабинете.

Но главной системой являлся сам хозяин, который в данную минуту, откинувшись назад, спал в своем компьютерном кресле, уронив голову к груди. Даже, если бы кто-то пробрался сюда, то без Ёргина все равно не смог бы элементарно снять блокировку с техники, которой обставлен весь кабинет. Этот парень был слишком ответственным в своем деле, отчего установил на систему безопасности не только обычный код, а программу считывания его отпечатков пальцев, сканирование радужки глаза и манеру движения.

Оказавшись рядом с ним, до ушей донеслось тихое сопение. Он пальцы, что митенками открыты, сплел в замок на животе, а темные взъерошенные волосы торчали в разные стороны.

Взгляд метнулся к стене, на которой горело зеленым электронное время: 18:01. Я был пунктуален.

Внимание вернулось к спящему Ёргину, и я вздохнул. Он в какой-то степени тоже был пунктуальным, ведь то, что хакер чуть ли не жил в этих стенах, можно было засчитывать

в стопку того, что Ёргин никогда не опаздывал на назначенные встречи.

Крафтовый пакет с легким шуршанием опустился на стол перед ним, и брюнет зашевелился. Одним приоткрытым глазом он мазнул по мне, когда я же уже направлялся к кофемашине, — без завтрака и кофе у него слишком плохо работал мыслительный процесс. А то, что время доходило уже к вечеру, к нему никак не относилось.

В своей работе он ловил любую возможность для сна. Точно также, как и его младший брат Ёрки. Этим двоим приходилось находить лишние часы в сутках для своей работы, которая казалась нескончаемой. Собственно, как, наверное, и моя.

— Ты уже здесь, — сквозь зевок из его рта вырвались слова мне в спину, а следом раздалось шуршание пакета.

Но тут его взгляд, видимо, добрался до еще одного присутствующего, который развалился на диване в конце кабинета и отчего-то вел себя тихо.

— Боже, твоя рожа совсем не изменилась.

— А ты все также не оставил привычек спать и есть за рабочим столом.

— Если все можно сделать здесь, зачем далеко ходить? — хмыкнул тот, потеряв шею со стороны шрама в виде ожога, пока мои руки орудовали с кофемашиной, не отрывая взгляда от своего занятия. — Я тут еще и трахаюсь. Прямо-таки козырное место, смекаешь?

— Сомневаюсь, что дрочку в индивидуальном порядке можно назвать полноценным трахом.

На выдохе у брюнета закатились под веки глаза:

— Клянусь матерью, ты только вышел, а уже меня заебал.

— Разве можно клясться теми, кого уже нет? — подняв взгляд и уведя вправо, мой зрачок напоролся на профиль Ёргина, который уже смачно откусил пончик в клубничной глазури. — Приятного аппетита.

Вместо ответа, я получил благодарный кивок: Ёргин никогда не говорил с полным ртом. Исключением являлся лишь его излюбленный чупа-чупс.

— Я бы не сказал, что суками вообще в принципе честно клясться, — он взял пончик поудобнее, чтобы не сильно заляпаться. — Но мне плевать, — и вновь кивнул, проговорив быстрое «спасибо», так как я поставил перед ним чашку с горячим кофе. — Ты мне уже отправил номер или что-то в этом роде?

Вопрос достиг меня, когда я немного отошел и нашел опору поясницей у соседнего стола, где также горела заставка блокировки включенного компьютера Дакс, и сложил руки на груди.

— Принимаешь меня за идиота? — я слегка склонил голову в бок, наблюдая, как уголок губ напротив немного приподнялся, пока он жевал.

Отпив напиток, предварительно на него подув, Ёргин спросил:

— Не получается? Я просто не теряю надежды.

Вздыхнув, я немного расстегнул китель, чтобы появилась возможность вынуть телефон из внутреннего кармана, и когда тот оказался в руке, открыл на нем нужное фото. Положив его на стол перед Ёргином экраном вверх, я вернулся к своему прежнему месту.

— Гарольд Вебер, тридцать восемь лет, бизнесмен. У него своя туристическая компания, которая практически разорилась три года назад, отчего он понабрал кучу долгов у тех, у кого не стоило бы брать.

— И он решил взять у Риккардо, чтобы рассчитаться со всеми? — вопрос с ноткой веселья утонул в стенках чашки с кофе, и я кивнул.

— Именно так. Почему-то он посчитал, что выгоднее быть должным кому-то одному, а не нескольким сразу. Поэтому, его пути размышлений привели на порог мафии, с помощью чьих денег он смог рассчитаться со всеми должниками.

— Какой же долбаеб, — смех Винни отскочил от стен кабинета, а Ёргин отставил чашку на стол.

Я не мог не согласиться с Синтомом по той причине, что если ты хоть раз задолжал мафии, то останешься должным навсегда. Но, увы, не все это понимают, отчего выходят из игры прямиком в собственную могилу.

— А от меня ты чего хочешь? Просто, я так понял, ты и без меня уже все знаешь. Или он «потеряшка»? — и запихал в рот остатки пончика.

— Мне нравится, когда ты сам добираешься до сути, и не приходится ничего объяснять.

Дожевав, Ёргин отряхнул руки и вытер их салфетками.

— Давно не выходит на связь? — он потянулся к клавиатуре и снял блокировку с компьютера. Та мгновенно снялась и с еще двух экранов, которыми Ёргин был окружен. Свет от них тут же осветил его лицо, подчеркнув небольшие синяки под глазами, и дав возможность упасть тени от ресниц, что обрамлены вокруг глаз, где на карих радужках были блики отражений экранов.

— Девять часов, — и я услышал в ответ негромкий цок со стороны дивана.

— Такой ты дотошный. Может, он где-то спит после пьянки? — мой взгляд скользнул к Винни, пока хакер не сводил с монитора глаз, что-то набирая на клавиатуре. Только зрачки бежали туда-сюда от одного экрана к соседнему.

— Просто найди мне его, — я вернул внимание к Ёргину.

— Знаю, что ты не из тех, кто дает фору, чтобы сбежать, — его губы растянулись в ухмылке. — Не ему на счастье, конечно.

И уже через минуту на моем телефоне высветилось уведомление с необходимой геолокацией.

— Я поехал, а вы разберитесь с маскировкой финансов, которые пройдут после ближайшей поставки. Джей-Джей должен был тебя, Ёргин, поставить в курс дела еще на прошлой неделе, — и прежде, чем выйти из просторного каби-

нета, я услышал в спину голос Синтома:

— Уже? Я, блять, только вышел!

ВИШНЯ ВТОРАЯ

ИМОНН АНДЕНТЕ

Мотоцикл рассекал по улицам Кенфорда, набирая скорость и везя меня в сторону квартиры сестры. Приятный адреналин растекался в крови, обволакивая сердце, как теплыми объятиями, которые душили, заставляя каждый раз волнительно дышать, а губы растягиваться в довольной улыбке.

Время уже перевалило за восемь вечера, — я значительно задержалась в лаборатории, отчего совсем не удивлялась вибрациям в кармане куртки. Телефон звонил уже во второй раз, но у меня пока не имелось возможности ответить Юрике, которая скорее всего начала немного волноваться, ведь я уверяла ее, что приеду не позже семи. Но все снова пошло не по плану.

Немного сбавила скорость, прежде чем повернуть в один из нужных переулков, чтобы слегка сократить дорогу и не стоять на светофоре, который загорелся красным. Но стоило мне только завернуть, как под колеса вывалился мужчина, который явно был чем-то напуган и стремительно от кого-то пытался унести ноги. Вот только, сегодня удача была не на его стороне.

И, видимо, не на моей, так как теперь он валялся у тротуара, хватаясь за ребра, сбитый моим мотоциклом!

Какого черта? Этого мне только не хватало...

Остановившись, мой взгляд почти сразу переключился на третьего участника данной ситуации, и из меня вырвалась тихая усмешка, которая всколыхнула сердце. *Какое совпадение.*

Уго Карбоне собственной персоной не спеша приближался ко мне, упирая свой взгляд в мой шлем на голове. О, он точно понял, кто скрывался за ним, — точно же увидел и марку мотоцикла, и то, во что я одета.

Подошва его берцев негромко постукивала по заснеженному асфальту, пока он прятал ладони в карманах черной расстегнутой куртки, из-под которой виднелся знакомый китель. На нем привычное спокойное выражение лица, где один глаз скрыт повязкой, а несильный ветер игрался с его недлинными волосами, что всегда казались темнее даже моих собственных.

От одного только его вида все мои органы каждый раз сходили с ума.

— Я же могу сказать, что не удивлен твоему появлению именно сейчас? — спокойный, ровный голос Уго прервал тишину, на фоне которой слышались стоны мужика, все еще валяющегося у тротуара.

Стянув шлем с головы, я встряхнула волосами, позволяя им рассыпаться по спине, и мой взгляд столкнулся с кофей-

ным и таким родным напротив. Уго не двигался с места, ни в мою сторону, ни в сторону того бедолаги, что корчился на асфальте, будто понимал, что ни он, ни я никуда не уйдем.

Не знаю, что там на счет бедняги, но я точно хотела задержаться рядом с ним хотя бы на пару минут.

— У меня хорошо получается появляться в нужное время там, где меня никто не ждал, — пожав плечами, я подарила ему свою ухмылку. — А ты не изменяешь своей работе, приятно знать.

— Будто бы когда-то было иначе, чтобы это заставило тебя сомневаться, — в уголке его губ мелькнула улыбка.

— Я просто давно не встречала тебя за процессом. И между прочим, жду слов благодарности, — его бровь над здоровым глазом медленно вопросительно поднялась. — Я сократила для тебя время догонялок, — и кивнула в сторону мужика.

— Спасибо, — Уго кивнул, не скрывая призрачной ухмылки на лице. — Но он бы все равно далеко не убежал.

— Мне всегда нравилась твоя самоуверенность, — улыбка так и просилась на мои губы, пока сердце выстукивало бешенные ритмы о ребра, разливая мурашки по рукам, спрятанных под слоями одежды, от одного лишь его присутствия.

Одарив меня немного непонятым взглядом, Уго спросил:

— Как дела у Кери?

Сердце в груди перевернулось.

Имя моего сына всегда звучало из уст этого мужчины с некой нежностью, которая скрывалась за спокойным голосом, но я все равно *ее чувствовала*. Уго видел его в последний раз около полугода назад, ведь Эзио никогда не брал Кери с собой ни на какие мероприятия и выездные встречи, — только на те, которые проводились иногда у нас дома. Это логично, учитывая всю опасность, которую за собой те несли. Но именно из-за этого и встречи Уго с Кери стали бесконечно редкими, что меня сильно расстраивало. Или лучше сказать, что я беспокоилась не только за них, а и за наши с ним встречи тоже? Хотя мы же виделись чаще, чем он с Кери.

Мы познакомились в средней школе, когда оказались в одном классе. Тогда Уго мне показался довольно тихим и скрытным одиннадцатилетним мальчиком, который не особо стремился с кем-то общаться и заводить друзей. Я знала о нем только то, что он из очень влиятельной семьи, и что в нашей школе учились также его старшие братья. Потом же узнала и то, что Риккардо и Энрике были не единственными братьями, ведь их в семье пятеро детей. Его сестра Инес на тот момент еще училась в начальных классах, а самому младшему брату Витале тогда только исполнилось три года.

В тот год моя жизнь изменилась навсегда, ведь этот не особо общительный мальчишка с черными волосами, слегка загорелой кожей и взглядом двух кофейных глаз, наполненных спокойствием, заставил мое детское сердце очень сильно удариться о ребра. И не один, а каждый раз, когда я ви-

дела его в школе: будь то перемена, обеденный перерыв или уроки, на которые он никогда не имел привычки опаздывать.

И однажды я поддалась своему внутреннему импульсу и подошла к нему в школьной кафетерии, когда рядом с ним не было его старших братьев. Такой момент было упустить нельзя, ибо Уго практически все свободное от уроков время находился в их компании.

Я тогда сильно нервничала, но пыталась не показывать ему это настолько, насколько на самом деле себя чувствовала в тот момент, и предложила вместе пообедать. Мое детское сердце готово было взорваться, как конфетти, когда он согласился.

С того дня мы начали немного общаться: переговаривались в классе во время перемен, иногда также вместе обедали, бывало, вставали в пару на уроках физкультуры для отработки подачи мяча или для выполнения какого-то упражнения, а после стали периодически переписываться вечерами. Всего парой сообщений перед тем, как лечь спать, но для меня это было все равно что-то невероятное, ведь с каждым днем мы становились чуточку ближе друг к другу.

В старших классах я могла нас назвать уже хорошими друзьями, но мое сердце было не согласно мириться с этим ярлыком. Оно начало страдать от первой любви, которую приходилось прятать за множеством замков и улыбок, чтобы не разрушить то, что так долго выстраивалось между нами. Страх потерять Уго, даже в качестве друга, казался ощути-

мым чуть ли не физически, ведь я знала, что ему не нужны отношения ни со мной, ни с кем-то другим. И последний факт давал возможность нормально дышать, зная, что дело было вовсе не во мне.

Но когда нам стукнуло семнадцать, в один из вечеров Уго не ответил на мои сообщения, а после пропал на целый месяц: не отвечал на звонки и не приходил в школу, а где-то за пределами нее мы и не общались. Переживания настолько возросли в моем теле, что казалось, я могла ими сносить стены вокруг. Я даже набралась смелости подойти к его братьям, чтобы задать вопросы, мучавшие меня и не дававшие спокойно спать. Вот только, когда эта смелость во мне появилась, до меня вдруг дошло, что не только Уго не появлялся в школе столько времени, — все семейство Карбоне пропало с радаров, и никто не знал причины их отсутствия.

Но в одно утро я заметила у ворот до боли знакомую фигуру, выходящую с заднего пассажирского места черного дорогого автомобиля, на котором он приезжал каждый раз до своего исчезновения. Вместе с ним, с другой стороны, вышел и Энрике. Ни Риккардо, ни младших с ними не было.

Уго, в отличие от его брата, тогда был одет не в привычную школьную форму: на его голове темная кепка, что скрывала большую часть лица, ведь он шел с опущенной головой; вместо рубашки из-под расстегнутой куртки виднелся капюшон черного худи; вместо брюк — спортивные штаны, а оксфорды сменились на удобные кроссовки, под чьей подошвой

хрустел снег. И хоть изначально мое внимание привлекла его одежда, но в памяти отложился совсем не она. Сердце в груди заскулило, упав куда-то в сугроб у моих ног, когда взгляд зацепился за перебинтованные кисти и пальцы, — где бинты уходили куда-то под рукава, — что держались за лямку рюкзака на плече, за бинты на шее, а потом... Он поднял голову, и я увидела то, от чего тоже самое сердце отказалось стучать.

Левая сторона лица была в следах недавней травмы. Под скулой расплывался желтовато-лиловый синяк, еще не до конца сошедший. Возле виска виднелись тонкие, едва заметные ссадины, покрытые коркой. Кожа вокруг выглядела слегка отечной, натянутой, с неравномерным оттенком: местами бледной, местами с проступающей синевой.

Но что-то было не так. Что-то в очертаниях лица казалось неправильным, искаженным. Я не сразу поняла, в чем дело, — мозг отказывался видеть очевидное. Взгляд скользил по его профилю, цепляясь за детали: козырек кепки, край капюшона, линию челюсти... И вдруг застыл на левой глазнице.

Она была прикрыта не просто повязкой, а аккуратной накладкой темного цвета, почти незаметной под козырьком кепки. Держалась на тонких ремешках и выглядела продуманно, почти технологично — не как временная мера, а *как часть нового облика*.

Уго сделал шаг, и я заметила, как он чуть замедлился, будто ориентируясь на слух и память, а не на зрение. Движения стали осторожнее, сдержаннее — не той уверенной поход-

кой, которую я помнила. Он больше не вскидывал подбородок, не смотрел прямо, не улыбался уголком рта, как раньше. Внутри меня в тот момент все оборвалось.

Боль ударила резко, без предупреждения — не моя, а будто его, принятая на себя. В горле встал ком, такой плотный, что стало трудно дышать. Руки похолодели, пальцы непроизвольно сжались, будто пытаюсь ухватиться за что-то, чтобы не упасть. Я стояла и смотрела, а в голове крутилось: *«Это не он. Это не может быть он»*.

Но это был он — тот самый Уго, чьи кофейные глаза я могла узнать из тысячи, чье присутствие всегда ощущала еще до того, как видела. Только теперь одного глаза не было. Одного взгляда, одного отражения света, одной части его лица... и все будто стало другим.

Мне хотелось броситься к нему, схватить за руку, убедиться, что он жив, что дышит, что это все еще он. Хотелось сказать: *«Я здесь, я рядом, я помогу»*. Но ноги не слушались. Я просто стояла, чувствуя, как внутри все сжималось от смеси жалости, страха и острой, почти физической тоски.

С того дня много чего изменилось. Но моя любовь не покидала моего тела и сердца и на крошечное мгновение. Она жила и в выпускных классах, и после школы, и даже когда мне пришлось выйти замуж за того, кого не любила.

И жива до сих пор, грея сердце где-то глубоко под ребрами. Она не такая яркая, как была в подростковые годы, но по-прежнему сильная. Хоть и невозможная.

— У него все хорошо, — кивнула, сохраняя легкую улыбку на лице.

Уго утянул взгляд к мужчине и бросил мне перед тем, как уйти:

— Езжай домой, Имонн. И будь осторожна на дороге, все-таки тебя есть кому ждать.

Поджав губы, я вновь кивнула и, натянув шлем, позволила мотоциклу сорваться с места, оставляя позади того, к кому до сих пор просилось сердце.

Уго был прав в том, что меня действительно ждали дома, но он не знал, что и *его тоже*. Ведь тот мальчик, о котором он спросил, был не только моим сыном.

Вот только Уго думал, что Керо был связан кровью с Эзио, моим законным мужем по всем документам вот уже почти семь лет. Но это было не так. И об этом известно из нас двоих было лишь мне.

Остановившись на парковке, я заглушила мотор и, стянув шлем с головы, слезла с мотоцикла. Ветер тут же подхватил волосы, слегка подкидывая, отчего я запустила в них пальцы, убирая мешавшие темные пряди от лица.

Передо мной горела яркая вывеска, висевшая на красном вагончике с фастфудом, куда я приезжала пару раз в неделю. Здесь делали самые вкусные яблоки в карамели на палочке,

— Кери их обожал. Хотя и любил больше те, которые мы готовили дома сами. Но не из-за вкуса, а из-за впечатлений. Ему нравился процесс готовки, как и нравилось разделять эту готовку с теми, кто ему был по душе, — а таких можно посчитать по пальцам одной руки.

Милая девушка, заметив меня, тут же улыбнулась, поздоровалась, поинтересовалась: «*Два яблока в стекле?*», и, получив согласный ответ, принялась выполнять заказ. Меня же привлекла очередная вибрация в кармане моей короткой черной куртки: на экране светилось имя сестры.

— Да, Юрика.

— Ты когда-нибудь устраивала марафон по суточному просмотру мультфильмов про супергероев? — ее голос звучал устало, а от вопроса на моих губах промелькнула легкая улыбка.

— На прошлых выходных в детском центре устраивали выставку с фигурками супергероев «Marvel», и мы там провели весь день, — я обернулась, чуть нахмурившись, на громкий звук машины, что проехала по проезжей части, и уже снова водила глазами по картинкам меню на вагончике. — Юнис, кстати, ходил с нами, в отличие от некоторых.

— Ты прекрасно знаешь, почему у меня не получилось пойти с вами, — вздохнула Юрика. — Я никогда не против провести время с тобой, Кери и иногда с Юнисом. Когда он не достает меня.

— Знаю, — на выдохе улыбнулась я. — У вас там все хо-

рошо?

— Конечно, — сестра хмыкнула в трубку, а я забрала пакет со сладостями из рук девушки, которая протянула его мне через открытое окошко.

Расплатившись, я направилась обратно к своему мотоциклу.

— Ты скоро приедешь? — раздалось в трубке голосом сестры.

— Да. Скажи Кери, что я приеду где-то через минут двадцать, — и сбросила звонок, услышав в ответ: «Ждем».

— Я была на грани превратиться в *Доктора Стрэнджа*², чтобы перемотать время на момент твоего появления, — открыв дверь, Юрика пропустила меня к себе в квартиру. — Твое «я приеду в семь вечера» оказалось в два раза дольше, я начала переживать.

Ступая на пятки, я стянула с ног ботинки, надела тапочки и прошла по прихожей в довольно просторную гостиную, совмещенную с небольшой кухней в конце комнаты. По телевизору шел мультфильм, где мелькали различные супергерои в своих ярких костюмах, а снизу бежали субтитры. На светлом диване напротив, развалившись лежал мой смысл жизни

² Доктор Стрэндж — супергерой вселенной «Marvel», блестящий нейрохирург, ставший мастером мистических искусств

— Кери. Его темные кудрявые волосы спадали ему на почти черные большие глаза, слегка кончиками путаясь в длинных ресницах. Он неотрывно смотрел в экран, что освещал его маленькое лицо, и внимательно следил за субтитрами, ведь звук мультика, как и всего происходящего вокруг ему были недоступны.

У моего пятилетнего сына врожденная нейросенсорная глухота, отчего и обычные разговоры ему также не давались.

— Немного задержалась, — улыбка отразилась на моих губах, стоило только увидеть сына, к которому осторожно подошла, чтобы не испугался.

Он был не просто моим смыслом, но и частью того человека, которому я подарила свое сердце еще будучи ребенком.

Его взгляд переместился с экрана мне на лицо, и он тут же заулыбался:

— *Ты приехала!* — жестикнул Керо.

— *Смотри, что я привезла тебе,* — я показывала жесты медленно, не торопясь, чтобы он смог все понять, так как быстрые комбинации вводили его в ступор.

Открыв крафтовый пакет, достала из него два яблока на палочках, обернутые в специальные кулечки.

Юрика подошла к нам и села на диван рядом с местом, где только что сидел Керо. Сейчас же он уже спрыгнул на пол и бросился ко мне, обняв за шею. Я погладила сына по волосам, вдыхая запах детского шампуня, и протянула ему сладости.

— *Спасибо!*

— *Не за что. Поделишься с Юрикой?*— кивнула в сторону сестры, которая наблюдала за нами, пока в уголках ее губ пряталась улыбка. Керо обернулся и, вытянув руку, протянул палочку с яблоком в карамели моей сестре, которая также, как и он, их очень любила.

— *Спасибо, крутой племянник,* — подмигнув ему, она потрепала его по волосам, наводя слегка беспорядок на голове. — Вы же останетесь? — а этот вопрос прозвучал уже вслух для меня, и я кивнула.

Керо забрался обратно на диван и стал распаковывать свою сладость, не обращая на нас внимания.

— Рэн прилетает завтра?

Муж Юрики был одним из председателей в «Ruу Logistics», которые занимались грузоперевозками, доставкой и управлением транспортных узлов. И сейчас он был в командировке.

Она кивнула.

— Утром у Керо занятие, сможешь его отвезти? Мне нужно будет уехать в лабораторию.

— Без проблем. К завтраку, как раз, должен будет заехать Юнис. Думаю, что он сможет даже остаться с ним до конца и привезти к вам домой.

Сын шуршал кульком и уже наслаждался вкусом «стеклянного» яблока, громко хрустя им во рту. Его внимание вернулось к телевизору, а Юрика потянулась к пульту, чтобы

перемотать серию на несколько минут назад.

— Ему разве не надо на работу?

Наш старший брат, являющийся еще и самым старшим ребенком в семье, был тренером баскетбольной команды в местном спортивном клубе. Он всегда горел спортом, но собственную карьеру построить, как спортсмену, не получилось из-за травмы, которую получил прямо накануне важных соревнований. Юнису пережить это далось слишком тяжело, отчего первое время он даже не мог смотреть в сторону спортивных площадок и мячей. Но спустя пару лет, брат твердо решил вернуться в спорт. Вот только не игроком, а тем, кто был не менее важен на площадке — тренером. Юнис стал тренировать молодых ребят от тринадцати до восемнадцати лет, и хромота нисколько ему не помешала.

— Сказал, что дал мальчишкам выходной перед игрой. Послезавтра решится выйдет ли их команда в региональные или нет.

— Ты пойдешь? — вопрос сорвался с моих губ, когда я пальцами коснулась щеки Кери, чтобы убрать прилипшую большую крошку от застывшей карамели.

— Если успеем, то мы с Рэном придем. А вы? — в голосе сестры слышалась неуверенность, и причем, обоснованная.

— Я постараюсь уладить все вопросы на работе, чтобы появился шанс вырваться.

Взгляд Юрики скользнул к Кери, который, подтянув на диван ногу в красном носке, медленно жевал яблоко, следя

за действиями супергероев на экране телевизора.

— Что-то случилось? — в интонации и взгляде, что подняла на меня сестра, я четко считывала то, что вопрос она задала совсем не о работе.

— С чего ты взяла?

— У тебя на лбу все написано, — хмыкнув, она сложила руки на груди. — Не говори, что пока ты добиралась до дома, встретила *его*.

Тяжелый вздох вырвался из меня, когда я откинулась на спинку дивана, а губы дрогнули в улыбке:

— Ты правда хочешь об этом поговорить? — мой взгляд искоса скользнул к сестре. — Ты же не сторонница подобных разговоров.

Фыркнув, темно-серые глаза Юрики закатились под ресницы.

— Я *твоя* сторонница, Имонн. Так что да, я готова об этом разговаривать столько, сколько тебе будет нужно. Даже учитывая то, что я слышу об этом мужике уже *пятнадцать лет*.

— Ужасная цифра, — мрачный смешок сорвался с моих губ, и я покачала головой. — Больше не произноси ее.

— О нет, а вот об этом не проси, — усмехнулась она, удобнее устраиваясь на диване, где между нами сидел Кери, продолжая внимательно наблюдать за происходящим на экране телевизора. — Я буду ее произносить, потому что она действительно ужасная. И ты уже должна хоть что-то понять для себя, когда будешь вновь и вновь ее слышать.

— И что же?

— У тебя два варианта, — Юрика выставила указательный палец: — Первый: ты должна уже жить дальше. Я знаю, что ты — натура у нас из однолюбов, как совы-сипухи, но, Имонн, прошло уже, повторяюсь, пятнадцать лет. В этом мире слишком много других мужчин, которые будут готовы положить весь мир к твоим ногам.

— Совы-сипухи? — мой рот растянулся в улыбке, оголяя зубы, пока не вырвавшийся смех подбирался к горлу.

— Лебеди — это слишком банально. К тому же, я хочу, чтобы ты начала жить дальше, а не пыталась с собой что-то сделать. Так что, их вариант не подходит категорически. И вообще, — она развернулась ко мне уже полностью. — Это что, все, что ты слышала?

И я вздохнула:

— Ты же знаешь, что это так не работает, Юрика. Я могу закрыть глаза на вещи, которые не хочу видеть. Как, например, на то, что у Эзио есть постоянная любовница уже около года, или что наш садовник иногда неровно выстригает газон на заднем дворе. — Мой голос стал чуть тише: — Но я не могу закрыть свое сердце на вещи, которые не хочу чувствовать.

Она поджала губы, опустив взгляд.

— Ты права в том, что я слишком долго мучаюсь от любви к тому, кому она не нужна. Но у меня не получается вытащить ее из себя, понимаешь? Я пыталась, но, к сожалению,

ничего не вышло.

Керо, будто почувствовав изменившееся настроение в комнате, поднял на меня свои темные большие глаза:

— *Ты заболела?*

Я тут же улыбнулась ему, заправив кудряшку за маленькое ушко:

— *Нет, милый. Все хорошо.*

Подарив мне ответную улыбку, он отвернулся обратно к мультику, а я взглянула на Юрику, которая также смотрела на меня.

— Какой был второй вариант?

— Признаться?

И я тихо рассмеялась.

— Шутишь что ли? — головой покачала. — Как ты себе это представляешь? Я замужем за человеком, который является его партнером. И не только в легальном бизнесе, Юрика. И замужем я уже давно, ты об этом знаешь.

— Знаю. Но это не значит, что я когда-нибудь смогу простить родителей и принять твою ситуацию, хоть и прошло уже семь лет.

Я пожала плечами:

— Отчасти, их вины в этом нет. Учитывая, что Эзио за человек, и какое он имеет влияние в криминальном мире. Он бы в любом случае сделал все так, как хочет.

— Но они даже не попробовали бороться, — нахмурилась сестра. — Я не говорю о том, что они должны были бросаться

под пули и все тому прочее. Я о том, что они даже не попытались сделать хоть что-то, а просто сразу отдали тебя ему, как вещь, которая спасла им бизнес.

Мой взгляд впивался в современные однотонные картины на стене, висевшие над телевизором, и хорошо сочетающимися с интерьером квартиры. Я не знала, что ответить на слова Юрики, потому что она была права. Поэтому сказала простое:

— Пойдем что-нибудь перекусим и выпьем ячменного чая.

Ладонь сестры слегка сжала мое плечо, как символ поддержки, а после же она поднялась с дивана и ушла на кух

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.